

НАПОЛЕОН — РОМАНТИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ

Уже в конце заграничных походов, когда русская армия вступила в Париж, в высказываниях офицеров наряду с законной гордостью за победу, проскальзывают нотки сострадания к поверженному противнику. В письмах Батюшкова, Рылеева, Чаадаева и других известных впоследствии литераторов, можно увидеть, как эти еще недавно решительные борцы с завоевателем, сочувствуют и Наполеону в его несчастье и французским солдатам и офицерам. Так Батюшков в письме от 27 марта 1814 года к своему другу Гнедичу, рассказывая о битве под Фершампенуазом, говорит, что французы «сражались как львы», а описывая низвержение Вандомской колонны, он с неприязнью отмечает ликование толпы, явно сопереживая свергнутому величию. В свою очередь будущий декабрист Кондратий Рылеев, который также принимал участие в заграничном походе русской армии, с антипатией пишет о наглом поведении прусского офицера по отношению к населению и полностью становится на сторону французского воина в его конфликте с пруссаком. Обращаясь к обиженному французу, Рылеев говорит: «Полно, полно, прошу вас! Мы не виноваты; мы русские — друзья ваши!» — и добавляет: «Я поцеловался с ним». В 1815 году на процессе маршала Нея, осужденного за то, что он встал на сторону Наполеона в период «Ста дней», русские офицеры, присутствовавшие в зале, кричали: «Да здравствует маршал Ней!».

Впрочем, это сочувствие, возможно, так бы и осталось бы лишь сочувствием, если бы не обстоятельства, которые сложились в России и Европе после войны 1812 года. Вместо отмены крепостного права, на которое надеялись многие участники войны, в стране восторжествовала реакция. Почти что издевательски звучали фразы манифеста 1 января 1816 года, обращенные к народу: «Кто кроме Бога, кто из владык земных, и что может ему [народу] воздать? Награда ему — дела его, которым свидетели небо и земля. Нам же, преисполненным любовью и радостью о толиком народе, остается токмо во всегдашних к Богу молениях наших призывать на него вся блага». В армии, привыкшей за годы войны к боевой, а не к мелочной дисциплине вновь стали процветать палочные порядки, дошедшие до абсурда. «Сдери с солдата шкуру от затылка до пяток, — поучал своих батальонных командиров начальник 17-й дивизии Желтухин, — а офицеров переверни кверху ногами...»

Все это вызвало и в армии и в обществе новые, еще не известные дотоле свободолобивые настроения, которые вылились в конечном итоге в восстание декабристов. Во время следствия по делу о восстании на Сенатской площади

А. А. Бестужев написал Николаю I письмо, в котором очень ясно показал связь русского освободительного движения с войной 1812 года и тем самым с фигурой французского императора: «Наполеон вторгся в Россию, и тогда-то народ русский ощутил свою силу: тогда-то пробудилось во всех сердцах чувство независимости, сперва политической, а впоследствии народной. Вот начало свободымыслия в России». Также из тюрьмы написал Николаю и другой декабрист П. Г. Каховский. Из его письма хорошо понятно, как отныне воспринимался Наполеон думающим русским обществом: «Свободу проповедовали нам и манифесты, и воззвания, и приказы! Нас манили, и мы добрые сердцем поверили, не щадили ни крови своей, ни имуществ. Наполеон низринут!.. Но скоро... увидели народы сколь они обмануты... Оскорбленные народы потребовали обещанного им принадлежащего, — и цепи и темницы стали их достоянием... Тюрьмы Пьемонта, Сардинии, Неаполя, вообще всей Италии и Германии наполнились окованными гражданами. И судьба народов стала столь тягостной, что они пожалели время прошлое и благословляют память завоевателя Наполеона!»

Таким образом, Наполеон становится символом борьбы с тем, что воспринималось, как силы обскурантизма и реакции, и следовательно привлекательным для всей свободолюбивой молодежи. Наряду с этим «низринутый» император после своего поражения сосланный на одинокую скалу, вызывает сочувствие, тем более, что он стал мучеником тех же сил, которые держали в «оковах» Россию и Европу.

Смерть Наполеона в 1821 году окончательно заставила утихнуть злобу и ненависть, с которой относились к нему враги. Теперь он превращается в идеального романтического героя. Еще в момент, когда французского императора величали не иначе как «антихрист» или «седьмглавый Люцифер», предполагалось, что речь идет о некоем сверхчеловеке, осталось только поменять знак минус на знак плюс. Теперь он становится подобен Прометею, которого враги приковали к далекой скале. Его отныне сравнивают с Байроном, человеком гордым, презирающим законы и условности, непонятым и одиноким.

Впрочем, этот мотив был не исключительно русским, а был характерен для всего европейского романтизма. Последний же не мог не оказаться заразительным и без сомнения сильно повлиял на русскую литературу.

В частности, романтический образ Наполеона достиг своего апогея во Франции. Здесь причину зарождения романтического видения Наполеона блистательно резюмировал Эдуард Род, крупный специалист по истории французской литературы, работавший в начале XX века: «Волшебные успехи империи, в незыблемость которой молодежь верила, держали ее честолюбие в состоянии постоянного напряжения. В каждом сражении пули делали в штабе офицеров брешь, которую нужно было заполнить. Самые высшие чины поэтому казались доступными всем, у кого достаточно смелости. Правда, умирали молодыми, но жизненный путь проходили быстро, а если кто исчезал прежде времени, то он уходил в сиянии славы, осыпанный чинами и наградами, оставив после себя свою страницу истории. Его провожали со знаменами, которые вели к победе, салютовали из пушек, грохот которых так часто сливался в одну общую гармонию. Никогда не умирали так легко, как в эту эпоху, но никогда не удавалось так наполнить короткую жизнь сильными ощущениями и грандиозными успехами».

Приход на место этой фантасмагорической эпопеи серого унылого мира периода Реставрации, лишив молодежь возможности действовать, заставил ее писать. Так родилась литература «с необузданностью формы и содержания, с меланхолией и мощными взрывами страсти, с порывами вдаль и романтическими исканиями», литература, которая была порождением сил, которым внезапно преградили дорогу. Героическое, изгнанное из жизни, нашло приют в поэзии, которая становится культом, одновременно создавая и культ Наполеона.

Конечно, мотив внезапно оборвавшейся эпопеи, которая насыщала жажду славы, приключений, наград, сильных ощущений и опасностей, влиял и на появление русского романтизма. Однако для русской молодежи он был не так силен, как для французской. В России это была героическая эпоха, но социальным лифтом она почти ни для кого не стала. Зато для тех, кто испил из кубка великих приключений, воспоминания о героическом прошлом, виновником которого был Наполеон, заставили говорить об изгнанном императоре в превосходной форме.

Мелочный педантизм, шагистика и палочная дисциплина в армии вызывали недовольство не только тех, кого позже назовут «передовыми людьми» и представителями освободительного движения. Настоящие воины, а не аракчеевские держиморды, также оказывались порой гонимы. Так генерал Рот, командующий 3-й дивизией, за один год уволил из вверенного ему соединения всех боевых командиров, георгиевских кавалеров, прошедших войны с Наполеоном, заменив их специалистами по муштре. Подобные действия заставляли боевых офицеров с ностальгией вспоминать о тех временах, когда ценились не шагистика и подхалимаж, а отвага и умение драться с врагом на поле боя. Денис Давыдов написал в «Современной песне», осуждая одновременно и современных ему либералов и Скалозубов:

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались пашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Хотя под «мошками да букашками» подразумеваются прежде всего современные автору либералы, против которых направлены сатирические пассажи, но достается и любителям муштры, тем кто «по плацу выступал шагом журавлиным». Самое же главное, что Наполеон отныне выступает не как кровожадный и коварный монстр, а как «огромный человек, расточитель славы».

Так по самым разным мотивам, отечественным и общеевропейским, Наполеон из врага превращается в героя, бюстик которого становится отныне непременным атрибутом рабочего кабинета чуть ли не каждого молодого образованного петербуржца или москвича.

Без сомнения поэты ярче всего отразили это новое видение Наполеона. Среди тех, в чьих стихах Наполеон приобрел облик романтического героя А. С. Пушкин,

М. Ю. Лермонтов, В. А. Жуковский, Ф. И. Тютчев, Я. П. Полонский, — словом, все великие имена русской поэзии второй четверти XIX века.

В стихотворении «Наполеон», написанным Пушкиным под влиянием известия о смерти императора на Св. Елене, предвосхищаются все основные темы русских поэтов, писавших о Наполеоне. Это и мученическая смерть изгнанника, которая отныне заставила забыть ненависть к нему:

Великолепная могила!
Над урной, где твой прах лежит,
Народов ненависть почила
И луч бессмертия горит.

Это и его невольная роль в истории свободомыслия в России:

Да будет омрачен позором
Тот малодушный, кто в сей день
Безумным возмутит укором
Его развенчанную тень!
Хвала! он русскому народу
Высокий жребий указал
И миру вечную свободу
Из мрака ссылки завещал.

Это и гибель империи Наполеона, столкнувшегося с силой русского народа:

Померкни, солнце Австерлица!
Пылай, великая Москва!

Лермонтов в своем «Последнем новоселье» добавляет к этим темам то, что можно найти уже в письмах русских офицеров 1814 года — презрение к толпе, которая предала своего императора, несмотря на все, что он сделал для Франции:

А вы, что делали, скажите, в это время?
Когда в полях чужих Он гордо погибал,
Вы потрясали власть избранную как бремя?

Точили в темноте кинжал?

Среди последних битв, отчаянных усилий,
В испуге не поняв позора своего,
Как женщина Ему вы изменили

И как рабы вы предали Его.

Интересно, что тот же самый Василий Жуковский, который написал «Певца в стане русских воинов», где в адрес Наполеона слышатся только про-

клятья, теперь пишет знаменитый «Ночной смотр», где повествуется о мистическом параде, который проводит тень императора призракам своих верных солдат.

В своих стихах участник Заграничных походов 1813–1814 годов, будущий декабрист Лорер выступил на защиту Наполеона, даже говоря о войне 1812 года:

Я шел не по следам Батыя,
И не бессмысленна была моя борьба:
Я движим был не погремущкой славы.
Я видел пепл Москвы, но я не Герострат...
Все царства я б сложил в итог одной державы...
Я прав перед людьми, пред Богом — виноват.

Но романтическое видение Наполеона не остается лишь уделом поэтов. Им вторят и прозаики. Ряд из тех бывших офицеров, которые ушли в годы своей молодости защищать отечество, подобно В. А. Жуковскому, теперь стали поклонниками Наполеона. Среди них выделяется без сомнения талантливый петербургский писатель Рафаил Зотов. В семнадцать лет, он записался в ополчение и сражался под Полоцком, где был тяжело ранен. Затем бился с неприятелем при Березине, осаждал Данциг, так что знал о наполеоновских войнах не понаслышке. После войны, вернувшись к службе чиновника, он одновременно занялся литературным творчеством и скоро стал известным писателем.

Не удивительно, что многие свои романы автор посвятил тому, что хорошо знал, — Отечественной войне 1812 года и заграничным походам русской армии. Это произведения «Бородинское ядро и Березинская переправа», «Два брата, или Москва в 1812 году», «Леонид, или черты из жизни Наполеона». Один из романов Зотова целиком посвящен жизни изгнанного императора («Наполеон на острове Св. Елены»).

В романах Зотова нет и тени видения Наполеона и французов через призму памфлетов эпохи двенадцатого года. Французы и русские сражаются, как благородные противники, которые уважают тех, с кем воюют. Что же касается самого императора, то в романе «Леонид, или черты из жизни Наполеона» ему отведена особая роль. Главный герой романа, молодой русский офицер, случайно сталкивается в 1807 году с Наполеоном и становится не много ни мало... его другом! Леонид спасает императора французов в сражении под Эсслингом в 1809 году (в этой войне Россия и Франция были официально союзниками). Через весь роман проходит образ Наполеона, необычный даже для романтизма: не демоническое создание, а достойный человек, преданный друг.

Подобные романы находили вдохновение не столько в романтической поэзии, сколько в воспоминаниях самого автора и в рассказах, которые он мог слышать от современников. Так эпизод «Леонида» с битвой под Эсслингом очень напоминает реальные события, происходившие с несколькими русскими офицерами, находившимися по различным причинам в штабе Наполеона в период войны 1809 года. Желая сделать жест в сторону своего союзника, император французов постарался организовать так, чтобы русским оказывали максимальное гостеприимство. Что касается самих офицеров, они старались поддерживать престиж русской отваги и сражались за Наполеона с таким мужеством, что

один из них, молодой ротмистр Чернышев получил из рук императора высшую награду Франции — орден Почетного легиона.

Позже один из этих офицеров напишет мемуары, малоизвестные русскому читателю. Дело в том, что И. И. Левенштерн решил написать их по-французски, как они и были опубликованы во Франции. В России же на страницах журнала «Русская старина» появился перевод лишь части этих интереснейших воспоминаний, к тому же с купюрами и неправильным переводом отдельных пассажей. Мы помещаем здесь перевод фрагмента мемуаров Левенштерна, который выверен и откорректирован по оригиналу рукописи, хранящейся в рукописном отделе РНБ. Этот фрагмент рассказывает как раз о том, как автор находился при штабе Наполеона, и в результате смог сделать очень точное описание императора французов и его армии. Автор дает Наполеону совсем не романтическую, а скорее реалистическую характеристику, однако стиль произведения, общее настроение сближают мемуары И. И. Левенштерна с литературой эпохи романтизма.

Как уже отмечалось, многие участники войны двенадцатого года стали писателям романтиками, другие ограничились лишь мемуарами о своих походах. Написанные в 30–40-е годы, они не могли избежать общего увлечения. Мемуары В. С. Норова, И. Т. Раджицкого, М. Ф. Орлова разительно отличаются от пропагандистской литературы эпохи войны.

Достаточно только взглянуть на мемуары В. С. Норова. В. С. Норов вступил на службу 19-летним офицером в разгар войны 1812 года, а затем прошел боевой путь всего второго периода войны и кампании 1813 года, где он, получив тяжелое ранение под Кульмом, вынужден был отправиться в Россию на лечение. Норов войдет в состав Южного общества декабристов и свои мемуары будет писать в тюрьме, откуда он в 1835 году отправится воевать на Кавказ.

Как и многие другие декабристы, Норов пишет о Наполеоне с уважением и даже с симпатией. Он пишет: «Но почти прах великого человека, которого люди просвещенные не называют больше Аттилою. Тот, кто в двадцать четыре года, предводительствуя республиканскими фалангами, губил, ничтожил Цесарские армии, кто восстановил отечество Сципионов, почтил прах Вергилия, сокрушил силы мамелюков, прошел палящие пески Сирии и Африки, смирил диких Бедуинов, призвал ученых в пустыни Мемфиса, основал институт в Каире, воскресил науки и искусства в земле Птолемея, освободил отечество от тиранской власти кровожадных диктаторов, проложил путь через снежные вершины Альп, начертал мудрые законы — тот не станет в истории рядом с бичами народов».

В мемуарах офицера артиллерии И. Т. Раджицкого можно найти немало строк полных уважения и даже восхищения перед Наполеоном и его армией. Вот, что артиллерист вспоминает о сражении при Бауцене в 1813 году: «Молодые воины Наполеона, невзирая на их юность, дрались отчаянно и, будучи ободрены нашим отступлением, лезли вперед, как бешеные... Смотря на пленных французов, отважных мальчиков, нельзя было не досадовать на то, что мы, старики, от них уходили, но их одушевлял гений Наполеона, который умел из юношей создавать новых героев Франции...»

Денис Давыдов, жалеющий отныне о «великом веке» в своем мемуарном очерке «Тильзит в 1807 году», не устоял перед общим настроением и описал все обстоятельства своего посещения этого городка в момент знаменитой встречи двух императоров — Наполеона и Александра, — где, несмотря на ряд фраз, выдаю-

щих его воспоминания о противостоянии в войну 1812 года, в общем чувствуется больше симпатии и интереса по отношению к императору французов, чем вражды.

Однако совершенно особым случаем является творчество известного российско-го литератора и журналиста Фаддея Булгарина, нелюбимого правда позднейшими литературоведами за его конфликт с «передовыми людьми» и поддержку правительства Николая I. Ф. В. Булгарин — единственный из российских писателей, который не только, как Денис Давыдов, видел Наполеона, но даже общался с ним...

Действительно биография этого человека была достойна авантюрного романа. Он как и Раджицкий и Норов был героем войны 1812 года... но с французской стороны! Булгарин, поляк по национальности, после окончания кадетского корпуса начал службу офицером русской армии и сражался в рядах уланского полка в ходе войны 1807 года. Но затем у него вышел острый конфликт с начальством, и он ушел со службы, и в 1811 году, мотивируя в своих мемуарах свой поступок тем, что Россия была в союзе с Французской империей, решил поступить на службу в армию герцогства Варшавского. Там офицерских вакансий не оказалось, и Булгарин поступил в полк польских улан на французской службе (так называемый Вислинский Легион). В результате будущий русский литератор стал офицером Наполеона. В 1812 году полк, который поменял свое название на 8-й шеволежерский, был переброшен для похода в Россию. В составе 2-го корпуса Удино он дерется под Полоцком (там же где Рафаил Зотов, но с другой стороны), а затем прокладывает французской армии путь через Березину. Если верить мемуарам одного из польских офицеров (Залусского), именно Фаддей Булгарин отыскал брод, где была наведена переправа, и тем самым спасены остатки Великой Армии! Полк, а вместе с ним и будущий литератор продолжает сражаться в 1813 и 1814 годах. По его словам за отвагу в боях он получает высшую награду — Орден Почетного легиона. В ходе последней кампании Булгарин ранен и попадает в плен к русским... Прямо скажем — не-тривиальная биография для российского писателя!

К сожалению, для истории мемуары Булгарина обрываются с его поступлением во французскую армию. Понятно, что автору, позиционирующему себя отныне как благонамеренный русский журналист, подобные факты из биографии были как-то не с руки. Но все-таки не рассказать совсем о фантастическом приключении Булгарин не мог. В результате он написал небольшое произведение: «Встреча с Наполеоном. Рассказ старого солдата» интересное не столько с точки зрения литературы, сколько как интереснейший исторический документ.

Можно легко догадаться, что французский император не выглядит в этом рассказе ни как монстр, ни как сатана. Он представлен как хороший и внимательный командир, лишенный всякой демонической натуры. Но все это маленькое произведение, подобно мемуарам Левенштерна, отмечено духом и стилем эпохи романтизма.

Вообще присутствие в русской литературе и журналистике такого человека, как Булгарин, говорит само за себя. Оно отражает атмосферу той эпохи, когда вражда к Наполеону уступила место любопытству ко всему тому, что было связано с этим человеком, а зачастую восхищением. Отношение к бывшему врагу стало столь терпимым, что офицер наполеоновской армии отныне мог быть популярным российским литератором. Во многом это объяснялось и взглядом официальных властей на тему наполеоновской истории, о чем речь пойдет в следующей главе.